

Татьяна НИКОЛАЕВА

Зачем-то перечитала избранное Леонида Губанова «Серый конь». Наверное, — литературный голод. Как поэту мне в последнее время не с кем общаться, то есть — с живыми, зато есть «покойнички» мои возлюбленные на книжной полке. Иной раз протягиваю руку за книжкой — как нищая за куском хлеба...

Ну не люблю я Губанова! Зачем достала? Перелистываю, перечитываю строчки, когда-то помеченные мной, и — как в омут — ух! — от первой до последней страницы.

Нет, не мой поэт... но строчки, эти драгоценные строчки не дают покоя. Кружу вокруг них, как пчела на клумбе, внюхиваюсь в смыслы... вот и общение. Какой ты горький человек, Леонид! И пижонство, как сладенькая глазурь снаружи, — мол, надкуси. А я ведь люблю горькое — рябину, полынь, калбу, чеснок... Говорят, — лучшее лекарство от гордыньки. Надкусила.

А строчки уже прорастают во мне, а я уже вскакиваю по ночам и записываю... Как бы мне хотелось прочесть эти стихи тебе, Леонид. Больше никому не смогу. Не знаю, почему. Скорее всего — страх безразличия. Раньше я этим не страдала. Моим любимым на книжной полке, наверное, приятно видеть, как я «закипаю» над их стихами, как пишу на полях свои «ахи-охи» или комментарии. Мне было бы приятно быть кому-то безразличной до такой степени.

Ты потрясающе чувствительная натура, Леонид. Наверное, поэтому к тебе и потянулась рука. Спасибо за то, что ты есть.

Январь 2017

*«...ведь останавливали казни,
чтобы послушать голос твой»*

(Л. Г.)

Это по проществу не много
от того, что мнилось нам вчера.
Всё проходит — временно и тленно,
но живая плоть попеременно
воскрешает утра, вечера...

Боже мой! Поэтка — это просто
кошками затопанная простынь,
мухами засиженный стакан...
Это в май покинутые гнёзда,
это — страсть, пока ещё не поздно,
это — артефактный истукан
вместо вдруг отчалившего бога...

Боже мой! Поэтка — это вечер
первой радости от первой встречи
вопреки родительским «нельзя».
Это — первый снег на грудь и плечи,
это — если и прикрыться нечем,
в омут вечности нагой скользья...

То, что на кострах, глумясь, сжигали —
это вечно манящие дали,
вечно опостылевшая близь.
Это — грех, в котором не участен,
это миг, разодранный на части,
и проклятие: «Не оглянись!»

А она, оглядываясь, шепчет:
это наша нежность... недалече —
боль и откровенье тупика.
А она слагает и стреножит
всё, что без неё и быть не может:
ни гора, ни пропасть, ни река...

*«Я душу превратил в кормушку
для очень одиноких птиц»
(Л. Г.)*

Одиночество — сизый морозный туман
городского предместья.
Не виновен никто! — я сама, я сама
убежала от лести

и от мести сама отвернула лицо,
улыбнулась синице.
Пусть барачного детства седое крыльцо
мне сегодня приснится —

сахалинского детства. Не знала душа
ни сомненья, ни гнева,
будто баба чреватая, шла не спеша,
и ни вправо, ни влево

не косясь, не вменяя цены ничему,
как запазухой — крестик...
Почему же сейчас — не пойму, не пойму! —
ум и сердце не вместе?

У кормушки твоей отревелась. Молчу.
Тихо. Дико.
Зажигаю свечу, восковую свечу —
вместо крика.

*«Но только умоляю, будь потом, —
Душа, отцеловавшая отчизну!»
(Л. Г.)*

Речка, реченька моя, речь,
не тебе ль, исполняясь, течь?
Не в тебя ли никто — два раза?
Ты, промышленная моя,
в ледовитые во края
иссякай, утекай от сглазу!

Продерись сквозь тайгу и скалы,
где свободы я не сыскала,
сквозь болотную топь прорвись,
да по мхам, да по гальке бурой,
всю меня соскребая шкурой,
в заполярную выйди высь.
Там, где солнечный ветер в цвет
разукрасил небесный свод, —
отпусти мою душеньку...
Ей итак уже много лет,
и она уже не поёт,
только слушает

новых реченок говорок
за родительский за порог
воровато сбежавших чадок...
Пусть журчат, пусть впитают мразь,
что на век их любви прихлась, —
будет Путь очищеньем сладок!

*«...осеннего солнца не жалко,
осеннее сердце из шёлка!»
(Л. Г.)*

Уосени есть свои плюсы:
дожили до пенсии? — чудо!
Рассветы встают — иисусовы...
Закаты ложатся — иудовы...

О Боже, о Боже, о Боже!
А дети-то как? Как же внуки?!
Не бойся: просты и погожи
полудни в преддверьи разлуки.

Двоих в небеса отпустила
(мужьями звались мне, мужьями!),
в их судьбах недолго гостила,
как жертва падения — в яме.

Но стелены были соломкой
те ямы, и небо зияло...
Душе, беззащитной и ломкой,
и этого было не мало!

Зализаны раны, и слёзки
промыли глаза от испуга.
В невзрачной бытийной повозке
мы все провожаем друг-друга:

кого-то в безмерные дали,
кого-то в погонные близи...
А кто не гневил, не скандалил?
А кто не стоял на карнизе?

Смешные любимые люди
с репьями и сеном в хвосте...
не понятые в Иуде,
но искренние во Христе!

Сползает дырявая шалка,
из рук выпадает иголка...
Осеннего солнца не жалко,
Осеннее сердце из шёлка!

*«...ах, у эпох, как растерях, —
поэзия — всегда Морозова
от плахи до монастыря!»
(Л. Г.)*

Причина творчества — любовь,
иной не будет.
Летит стрела не в глаз, а в бровь...
Окститесь, люди,
зачем так жалко тратить пыл
на безоружных,
расходовать запал толпы
на тропях вьюжных?..

По одному, по одному,
след-в-след, как волки,
внимая сердцу и уму,
под кривотолки,
под свист прагматиков, под вой
кликуш и клерков,
идут изгои мостовой,
прощаясь на передовой,
жизнь исковеркав.

Идут век-в-век, как ритм строки,
рифмуясь с вьюгой,
уже незримо-далеки,
уже друг с другом
неразрываемую связь –
сердцебиенье –
неся, ни на кого не злясь
ни на мгновенье,

благословляющие вас –
не в бровь, а в глаз!

*«Соловьёв на знамёнах не надо
Вышивать, выживать нам придётся,
Как обрубленным яблоням сада,
Как загубленным ядом колодцам...»
(Л. Г.)*

Прокатилась душа по судьбам поэтовым:
слёзы душат, занозы буреют ржаво,
и петля из веночка – на шее... Поэтому
так непросто порой рифмовать державу

за строку полжизни дающим! – будто
этих жизней запазухой и не меряно!
Эх, душа, ты классически не обута,
знать, в своей надмирности так уверена...

А они, похоже, тоже надмирными
бытовали по коммунальным логовам,

по баракам тюремным — сердцами лирными
под всевидящим любящим гневом Боговым.

Не гневись, Вседержитель, — твои избранные
не зарыли талант, отстрадали сущее.
И летят косяками, зияя ранами,
в перламутровых клювиках боль несущие, —

не свою! — надрывая сердца и глотки...
Упаси от петли и водки!
Вышиваю шелками, пока не ослепла...
Упаси от огня и пепла!

Памяти Леонида Губанова

Сколько паясничать надо,
сколько души изолгать,
чтобы предвестники ада
строчками пали в тетрадь!

Склёвывают по словечку
и раздувают зобы
на несусветное нечто –
смысл человеческой судьбы!

Пёрышки чёрные чистят,
лапками сердце крестя –
там, где от водки и виста
вдруг постарело дитя,

осатанело и пало
золотом листьев в овраг...
В омуте мама купала
не для того, чтобы враг

глаз этих выпил рассветы,
мутные с бодуна!
Бедное сердце поэта...
Бедная эта страна...